
О СТИХОТВОРЕНИИ «ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ»

послевоенные годы в литературоведении проявился значительный интерес к одному из известнейших произведений Некрасова — к «Песне Еремушке». Специальные статьи о нем опубликовали три видных советских литературоведа: Ф. И. Евнин,¹ Н. Н. Скатов² и А. М. Гаркави.³ Интерес к «Песне Еремушке» обусловлен в значительной мере тем, что в этом стихотворении стали находить если не противоречие, то, во всяком случае, неясность. Неясность эта заключается отнюдь не в характере тех взглядов, которые пропагандируются в этом произведении. Напротив, эти взгляды изложены поэтом с тезисной отчетливостью. Но неясно, к какому классу, сословию, социальной группе обращается автор.

Традиционная точка зрения на этот вопрос так сформулирована В. Е. Евгеньевым-Максимовым в его монографии «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова»: «Называя стихотворение «Песней Еремушке», изображая в нем крестьянского ребенка, Некрасов едва ли не хотел тем самым подчеркнуть, что он обращается не столько к крестьянству вообще, сколько к крестьянской молодежи».⁴

¹ Евнин Ф. И. «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов. — «Некрасовский сборник». П. М. — Л., 1956, с. 171—196.

² Скатов Н. Н. «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова и революционная обстановка в России конца 1850-х годов. — Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 309. Очерки по истории русской литературы. Л., 1966, с. 172—183.

³ Гаркави А. М. Возможности лирико-драматического жанра (К спорам о «Песне Еремушке» Н. А. Некрасова). — Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник. Вып. 3. Калининград, 1976, с. 39—49.

⁴ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М., 1952, т. 3, с. 148.

Ф. И. Евнин присоединяется к этой точке зрения, несмотря на то, что его статья содержит наблюдения, трудно совместимые с ней. Так, он убедительно доказывает, что в песне няни высмеиваются книга Е. Дыммана «Наука жизни, или Как молодому человеку жить на свете» и книга Н. А. Миллера-Красовского «Основные законы воспитания», дающие такие же рецепты жизненного поведения молодежи, какие няня предлагает Еремушке.¹ Однако эти книги адресованы вовсе не воспитателям крестьянской молодежи. Анализируя лексику песни «проезжего», исследователь отмечает, что она «выдержана в чисто интеллигентском речевом стиле».² Значит, казалось бы, она не обращена к народной крестьянской среде. Однако Ф. И. Евнин такого вывода не делает.

С традиционной точкой зрения порывает Н. Н. Скатов. По его мнению, не обращены к крестьянской молодежи ни песня няни, ни песня «проезжего». О песне няни он пишет: «Все это: и поучения — поклонись...

Чтобы старшие... в люди вывели —

и пожелания:

...с вельможами
Будешь дружество водить,—

и, наконец, мечта о «праздной» жизни лежат вообще вне опыта народной жизни и поэзии и пришли из каких-то иных общественных сфер. Здесь не народен сам тип мышления».³ А о песне «проезжего» Н. Н. Скатов пишет: «Право, народный поэт достаточно хорошо знал народ, чтобы не обращаться к нему с лозунгами французской революции, с кодексом революционной морали, с формулами, наконец, ученой диалектики:

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Своеобразная цельность этих «городских», «интеллигентских» стихов говорит о том, что здесь нет даже малейших попыток непосредственно обращаться к кре-

¹ См.: Евнин Ф. И. Указ. ст., с. 185—188.

² Там же, с. 180.

³ Скатов Н. Н. Указ. ст., с. 176.

стьянству».¹ Н. Н. Скатов считает, что «Песня Еремушке» обращена «к молодежи вообще»,² но менее всего — к крестьянской.

Таким образом, общее между утверждениями В. Е. Евгеньева-Максимова, Ф. И. Евнина и Н. Н. Скатова заключается лишь в том, что «Песня Еремушке» обращена к молодежи. Однако с этим не согласен А. М. Гаркави. Он пишет о Еремушке: «Это — не символ крестьянской молодежи и не символ молодежи вообще, поскольку грудной младенец не является представителем молодежи. Но, в соответствии с самой формой колыбельной песни, ставится вопрос: каким вырастет Еремушка? Обобщающий смысл этого вопроса, очевидно, таков: каким будет русское крестьянство, — пойдет ли оно по пути, указанному в «песне няни», или по пути, указанному в «песне проезжего?»»³

Такое мнение представляется нам неубедительным. Обращение с пропагандистской речью к грудному младенцу есть, конечно, такая же условность, как и подача этой речи под видом колыбельной песни. Впрочем, и сам А. М. Гаркави в дальнейшем указывает, что многие стихи из песни «проезжего» «могли быть восприняты как непосредственное обращение к передовой разночинской молодежи с призывом к революционной деятельности. На такую трактовку, вероятно, рассчитывал и сам Некрасов».⁴

Полагаю, что смысл образа младенца здесь таков: младенец — это представитель нового поколения, входящего в мир в новых условиях, способного бороться с тем злом, которое не может побороть родившееся и сформировавшееся в неблагоприятных условиях поколение. Именно как к представителю новой поросли и обращается автор к младенцу. Некрасов ведь прямо противопоставляет его «нам»:

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей!..

(II, 19)

¹ Там же, с. 180.

² Там же, с. 177.

³ Гаркави А. М. Указ. ст., с. 45.

⁴ Там же, с. 48.

Думается, что Некрасов обращался не специально к разночинской, крестьянской или дворянской молодежи, но к молодежи с развитыми гуманными понятиями и благородными сердцами. «Мы» — это отживающее поколение интеллигенции, непригодное к борьбе за свободу и счастье народа. Некрасов противопоставляет ему новое, грядущее поколение, в котором появятся подлинные борцы за народное дело. Это не та или иная социальная группа, это пока что «особенные люди»:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей.

(II, 19)

Этих «новых людей», «особенных людей» Некрасов, как и Чернышевский, ждет не из крестьянской среды.

Социальной неопределенности адресата стихотворения соответствует и социальная неопределенность образа Еремушки. До сих пор никто не высказывал сомнения в том, что Еремушка — крестьянский сын. Однако единственный аргумент в пользу этого твердого мнения — то, что «Ерема — специфически крестьянское имя».¹ Но почему же такое специфическое? Носить имя Еремей мог и мещанин, и купец, и попovich (Иеремия). Имя это редко только в дворянстве, но вспомним, что в рассказе Тургенева «Чертопханов и Недопюскин» героя, столбового дворянина, зовут Пантелей Еремеевич. Скучные детали «Песни Еремушке» говорят скорее всего об имени дворянского дитяти.

Ведущий рассказ велит ямщику остановиться у постоялого двора и садится на ступеньки крыльца рядом с женщиной, держащей на руках ребенка. Эту женщину он определяет как няню и так к ней обращается: «Няня! дай-ка мне дитя!» Откуда он знает, что это не мать, не другая какая-нибудь близкая ребенку женщина, а именно няня?

Ответ на этот вопрос дают слова женщины: «Покормись, родимый, грудкою». Перед нами, значит, либо мать, либо кормилица ребенка. Почему же «проезжий» сразу определяет второе? Вероятно, она одета так, как одевали кормилиц в барских домах. «Кормилку дюжую» сразу узнают среди княжеской челяди крестьяне из «Кому на Руси жить хорошо» («Последыш», стих 104).

¹ Евгеньев-Максимов В. Е. Указ. соч., т. 3, с. 148.

Кормилица в крепостную пору — явление почти обязательное в быту господ, но совершенно исключительное в крестьянском быту. Конечно, и крестьянского ребенка могла вскормить другая женщина вместе со своим — например, при смерти матери от родов, — но это не была бы нянюшка, праздно сидящая с ребенком во время сенокоса, когда «вся деревня на лугу». Что ее привело с ребенком на постоянный двор? Может быть, младенец — сын проезжающих господ, остановившихся на постоялом дворе и отпустивших няньку посидеть с ребенком на воздухе?

Конечно, литературовед не имеет права досочинять сюжет за автора; своими предположениями я только хочу подчеркнуть, что Еремушка — не из крестьянской земледельческой семьи.

Утверждение, что Еремушка — крестьянский сын, но обращенные к нему слова менее всего относятся к крестьянской молодежи, — противоречиво. Противоречие снимается, если Еремушка не крестьянский ребенок.

В связи со сказанным становится более сложным вопрос о связи «песни няни» с народным сознанием. Ф. И. Евнин видит выражение ее в фольклорном облике этой песни, подчеркивая вместе с тем, что она выражает «не подлинную народную мудрость, а лишь отсталые настроения пассивной части крестьянства». ¹ Поддерживая точку зрения Ф. И. Евнина, А. М. Гаркави указывает, что «отсталой в ту пору была очень значительная часть крестьянства». ²

Однако здесь надо учитывать не только кто поет, но и кому поют. Мораль, которую вложил поэт в уста няни, и не должна быть народной, поскольку няня поет не крестьянскому, а господскому ребенку. Что же касается имени младенца, то оно, видимо, символично: раз в этом ребенке воплощена надежда на тех новых, «особенных людей», которые отдадут свои жизни на благо народа, естественно ему и называться народным именем, независимо от происхождения.

Отмечу, что Рахметов — наиболее «символический» образ романа «Что делать?» — не наделен никаким личным именем, он просто Рахметов; в образе же народного героя он имеет не только фамилию (Ломов), но и имя (Никитушка). Думается, здесь прямая аналогия с Еремушкой.

¹ Евнин Ф. И. Указ. ст., с. 179.

² Гаркави А. М. Указ. ст., с. 46.